

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

*д-р психол. наук, проф. В.А. ЯНЧУК**(Белорусская государственная академия последипломного образования, Минск)*

Представлена эволюция методологических оснований социальных наук на этапе перехода от культурной традиции модернизма к постмодернизму. Показаны особенности трансформации социально-гуманитарного знания от объяснительного к понимающему. Обоснована центральность категорий «значение», «понимание» и «социокультурный контекст» для углубления представлений в области социальной феноменологии. Рассмотрена проблематика методологии исследования и научного доказательства в области социальной теории и намечены перспективы развития социальных наук.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в социальных науках в области самоопределения в методологических основаниях и методе исследования в начале третьего тысячелетия, можно определить ее как поисковую. Переход от культурно-научной традиции модернизма с ее гипертрофированием позитивистской методологии и количественных методов исследования к постмодернистской [1], определяющей релятивистский характер современного социально-гуманитарного знания с акцентом на его культурную детерминированность и качественные методы исследования, стимулирует поиск методологических алгоритмов, позволяющих с учетом рефлексии предшествующего опыта определить пути и средства решения основополагающих метапроблем. К числу наиболее фундаментальных из них относятся самоопределение в методологических основаниях научного познания, способе теоретического доказательства и методах исследования [1,2, 3].

Однако междисциплинарный характер изучения социальной феноменологии, являющейся объектом социальных наук, по нашему мнению, предполагает генерализацию обсуждения и на междисциплинарный уровень. В силу многогранности обсуждаемой проблематики сделаем акцент на методологических основаниях развития социальных наук.

Отличительной особенностью социальных наук является качественная специфичность объекта исследования - социальная реальность, дебаты о природе которой продолжаются уже многие десятилетия. Временное затишье в этих дискуссиях, связанное с доминированием «нереалистического оптимизма» в отношении универсальных возможностей позитивистской методологии не только в области естественных, но и социальных наук, сменилось к концу второго тысячелетия резким обострением ее критики и поиском альтернативных решений.

Следует напомнить, что еще в начале XX века В. Дильтей отмечал: «Первейшим отличием наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются извне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и как некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естественных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о духе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» [5, с. 15]. В последние годы эта вещая констатация все чаще реминисцируется в работах различных авторов, анализирующих проблематику качественного отличия социальной феноменологии. Абстрагируясь от разного рода авторских вариаций на данную тему, можно вполне обоснованно утверждать наличие выраженного консенсуса в отношении того, что эта качественная специфичность выражается в ее культурной детерминированности, т.е. определяемости социокультурным контекстом.

Данное утверждение, в свою очередь, ставит не менее фундаментальный вопрос о сущности культуры как таковой, ответы на который ищут не одно столетие (см., например, *Философия культуры*, 1998).

Так как и культура, и социальная феноменология сами по себе являются продуктом активности человека, то в обозначенном контексте представляется интересным вывод Э. Кассирера, сформулированный в его работе «Философия культуры», о том, что ключом к постижению природы человека является символ. Разворачивая этот вывод, он пишет: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. ...Человек живет не просто в более широкой реальности - он живет как бы в новом измерении реальности. Человек живет отны-

не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия - части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противопоставляет реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека» [7, с. 28 - 29]. Еще ранее эта идея была обоснована в работах символических интеракционистов (Кули, Мид, Блумер и др.), показавших не просто символическую опосредованность социального взаимодействия, но и ее интерактивный характер, проявляющийся в том, что значения, определяющие интерпретацию происходящего, конструируются в процессе совместной активности и реализуются в символической форме. Таким образом, социальная феноменология обладает символической природой, продуктом и содержательным насыщением которой и является культура. Следовательно, и изучаться она должна в контексте культурной детерминированности и на иных, по сравнению с физической природой, методологических основаниях. Причем рассматриваться она должна в итико-имическом контексте, проясняющем соотношение общего и уникально-специфичного в культуре, введенном лингвистом K.L. Pike [8]. Ориентация в исследованиях социальной феноменологии на универсальное в ней, т.е. присущее всем культурам, приводит к недооценке роли уникально-специфичного в них.

Понятие итики вводится для характеристики общего, универсального в культурах. По мнению автора, «итическая точка зрения представляет взгляд на изучение поведения со стороны, являющийся крайне важным для первоначального подхода к отличающейся системе» [8, с. 37]. K.L. Pike видит ценность итического подхода в следующем: 1) он предоставляет широкую перспективу и возможность обучения распознаванию того, что различные события, происходящие в мире, обладают распознаваемыми сходствами и различиями; 2) приобретаются техники описания различных феноменов; 3) итический подход является исходным, так как «не существует каких-либо других способов начала анализа, не предполагающих грубой, пробной (неточной) оценки» [8, с. 40]; 4) итическое сравнение выбранных культур может помочь исследователю достичь поставленных целей с минимальными затратами.

Понятие имики характеризует культурно-специфическое, уникальное, отличающееся от других культур. K.L. Pike вводит его как производное от лингвистического понятия «фонемика», отмечая, что «имическая точка зрения является результатом изучения поведения изнутри системы» [8, с. 41]. Он отмечает тройственную ценность имического подхода, заключающуюся, во-первых, в том, что он позволяет понять пути конструирования языка или культуры «не как ряда различных частей, не связанных друг с другом, а как работающего целого» [8]; во-вторых, он позволяет понять индивидов в их повседневной жизни, включая их социальные установки, мотивы, интересы и личность; в-третьих, имический подход «предоставляет не только основание, на котором может базироваться предсказательная наука, так как статистические предсказательные исследования оказываются во многих случаях не валидными» [8].

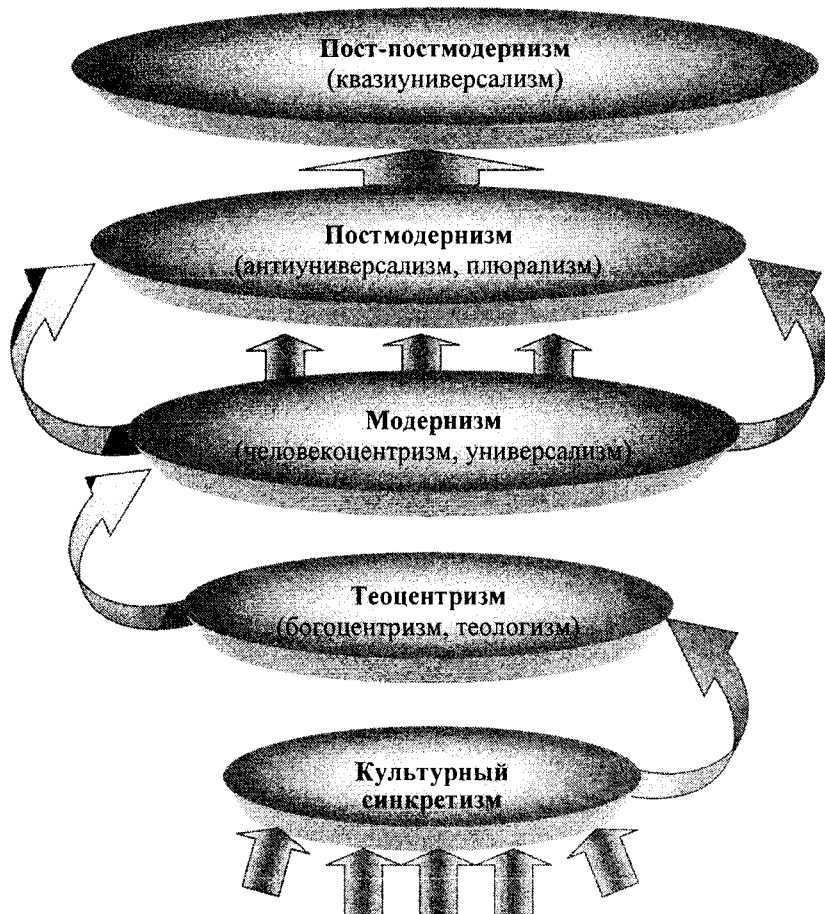
Более глубокое понимание анализируемой проблематики невозможно без обращения к более широкому контексту изменений, происходящих в обществе, рассматриваемых многими исследователями в ракурсе своеобразного перехода от культурно-научной традиции модернизма к постмодернизму, представляющих собой сформировавшиеся в определенные исторические эпохи системы знаний о природе сущего и способах обращения с ним. Эти представления актуализируются в индивидуальных общественных сознаниях в виде конкретных знаний о сути наблюдаемых процессов и явлений и способах обращения с ними. В целом можно говорить о том, что *культурно-научная традиция* представляет собой, цитируя И.И. Ильина: «Многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений, характеристику определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире» [9, с. 206].

В истории человечества с определенной долей условности можно выделить синкретическую, теоцентрическую, модернистскую, постмодернистскую и, в перспективе, пост-постмодернистскую традиции, представленные на рисунке.

Не останавливаясь на рассмотрении специфики синкретической, теоцентрической и пост-постмодернистской традиций, акцентируем внимание на модернистской и постмодернистской традициях в силу того, что именно они определяют качественные изменения, происшедшие как в социальных науках, так и в мировоззрении на протяжении последнего столетия.

Традиция модернизма в культуре, основывающаяся на идеях европейского рационализма XVII века, характеризуется сформировавшимися в эпоху Просвещения представлениями о принципиальной возможности открытия универсальных законов сущего. Их постижение, как ожидалось, приведет к воплощению гуманистических идеалов в практику гармонического реформирования природы и общества. В научном познании эта идея нашла свое воплощение в разработке методологии научного исследования, обеспечивающей открытие объективных законов. В XIX веке таковой стала методология позитивизма с ее фундаментальными принципами операционализации и верификации, как казалось обеспечивающими

подлинную научность и объективность результатов исследования. Реализация позитивистской методологии в социальных исследованиях нашла свое выражение в использовании количественных методов исследования и абсолютизации возможностей статистического анализа и математического моделирования. Изначально они были направлены на выявление универсальных закономерностей социального бытия, а именно: истического, характерного для всех культур, или универсального в нем.

Эволюция культурно-научных традиций

Будучи вполне пригодной и продуктивной на исторически определенной, классической (в терминологии В.С. Степина [10]) стадии развития научного знания, по крайней мере в отношении естествознания, позитивистская методология оказалась менее продуктивной в отношении социальной феноменологии в силу ее символической и культурно-детерминированной природы, предполагающей не непосредственное, а опосредованное изучение. Универсальное описание исходно предполагает однозначную интерпретацию изучаемого символического содержания. Доказать же однозначность и изоморфность научной интерпретации весьма проблематично, что показано нами в ряде предыдущих работ, связанных с анализом онтолого-эпистемологических оснований многообразия психологического знания [2, 3]. По крайней мере, на современном этапе развития социальных наук таких оснований не найдено. Тем не менее универсалистский подход, представляющий (в терминологии В. Дильтея) объяснительный период развития социально-гуманитарного знания, сыграл позитивную роль в истории социальных наук и обладает несомненной научной ценностью как для постижения природы социальной феноменологии, так и для научного конституирования социально-гуманитарного знания. По крайней мере, мы не придерживаемся радикальной позиции в отношении позитивистской методологии, фиксируя внимание только на том, что экстраспективное описание социальной феноменологии не является исчерпывающим и к сегодняшнему дню практически утратило эвристические ресурсы. Применительно к социологии и социальной психологии это проявляется в их «утопии» в море эмпирической фактуры, практически не создающей возможностей для продуцирования принципиально новых идей, позволяющих качественно отлично рассматривать структуру и содержание изучаемых социальных феноменов (инсайтировать). Углубление же представлений возможно посредством дополнения ее возможностей ресурсами качественных или диалогических методологий плюралистического свойства.

Осознание ограниченных возможностей модернистского универсализма по отношению к постижению социальной феноменологии стимулировало поиск альтернативных решений. Это резонировало с постмодернистскими тенденциями в развитии науки и культуры, которые выражались в неприятии самой возможности получения универсального знания о сущем и его природе, утверждением активного, творческого, культурно-исторически детерминированного его характера. Применительно к социально-гуманитарному знанию они нашли свое выражение в постструктуралистской (Ж. Деррида) [11] и постмодернистской (М. Фуко [12], Ж.-Ф. Лиотар [13], Ж. Бодрийяр [14]) критике объективизма в научном познании. Значение этой критики для социальных исследований особенно велико в силу того, что постижение внутренней символической реальности носит ярко выраженный опосредованный знаковый характер.

Эта идея поддерживается представителями культурно-конструктивистского подхода, отрицающими саму возможность обладания универсальным «над-знанием» по отношению к человеческой сущности и ее природе. Являясь по своей сути антифундаментализмом, культурный конструктивизм исходит из посылки об отсутствии рациональных или каких-либо иных очевидных оснований для исследований в области социально-гуманитарных знаний в аспекте нахождения однозначных и универсальных решений. Его последователи считают возможным сосуществование различных теорий, методов и практик, отражающих определенные традиции или формы жизни, одновременно отдавая предпочтение принципу диалога как условия взаимообогащения и развития, а не «всеобщего равенства». К. Gergen и М. Gergen предлагают три пути возможного развития социально-гуманитарного знания: рефлексивное освобождение; многокультуризация методологии; рассмотрение теорий и исследований как культурных достояний [15].

Переосмысление предмета социально-гуманитарного знания потребовало пересмотра его методолого-теоретических оснований, а также методологии и методов исследования. По существу единственным способом постижения социальной реальности является обращение к самому ее субъекту, т.е. человеку. Это возможно посредством диалога с ним, носящим опосредованный (знаковый, интерпретационный) характер. Обращаясь к человеку за описанием или интерпретацией интересующего фрагмента реальности, мы получаем не его исчерпывающее описание или переживание, а систему знаков, языковых кодов, подлежащих последующей интерпретации. Проблема как раз и заключается в том, что в силу отсутствия непосредственного доступа к исследуемой реальности, сокрытой в сознании субъекта и недоступной непосредственному измерению или фиксации, мы вынуждены оперировать ее символическими репрезентациями, включающими соотношение знака и значения. Эти репрезентации требуют адекватной интерпретации, предполагающей максимальное приближение к системам значений и смыслов субъекта, закодированных в языке не как в некой статичной универсальной и потенциально исчерпывающе раскрываемой структуре знания, а как в системе интерактивной, находящейся в постоянном процессе изменения и со-конструирования, созидания.

Поиск новых оснований научного познания социальной сущности человека, феноменологии его социального бытия, наконец, природы сущего в целом, привел к развитию идей постмодернизма. В научной литературе постмодернизм часто отождествляется с постструктурализмом, хотя эти понятия не идентичны. Постструктурализм в его оригинальном значении - это теория знания и языка (Деррида, французский феминизм), а постмодернизм (Фуко, Барт, Лиотар, Бодрийяр) - теория общества, культуры и истории.

Отличительной особенностью постструктурализма является обоснование необходимости рассмотрения культуры как текста. Более того, в культурном конструктивизме и сама социальная феноменология рассматривается как текстовая. Придание ей характера текстуальности обусловлено прежде всего выводом о том, что представлена она в сознании субъекта, а доступ к нему опосредован символами или текстами, требующими адекватной интерпретации. Основываясь на критике структурализма, ищущего совершенную структуру передачи символического содержания - совершенную форму, постструктуралисты обосновывают принципиальную невозможность ее нахождения, так как содержание, или система значений, лежит над текстом (за текстом и т.п.) и формируется в заочном диалоге автора и читателя, детерминированном определенным ситуативным контекстом. Ж. Деррида убедительно показывает, что любой текст представляет собой спорную территорию, поскольку не может быть понят без обращения к скрытостям и контекстуализациям значений, представленных в нем соответствующими последовательностями знаков. Эти скрытости и контекстуализации могут быть раскрыты в выводах, но они не всегда присутствуют в тексте или же читатель часто не охватывает их своим вниманием. По Дерриде [11], чтение представляет собой особый тип активности, с помощью которого читатели наполняют эти скрытости и контекстуализации значениями, как бы становясь на время авторами и изменяя иерархию написанного обращением к культуре и субкультуре, а также опыту собственных жизненных переживаний. По существу, утверждает Деррида, именно в природе языка коренится способность продуцирования значений только в отношении других значений, в соотношении с которыми они и обретают собственную означенность. Таким образом, мы никогда не сможем установить стабильные значения, пытаясь найти соответствие между языком и описываемым им миром. Наоборот, значение является результатом различных означений, придаваемых словам.

Выбор слов не определяет нашего мышления и не разрешает основных интеллектуальных противоречий. Мы обречены на существование с неразрешенными проблемами языка посредством самого

языка, создающего эти проблемы и обстоятельства для деконструкции. Несмотря на то, что постмодернисты открыто признают несовершенство своих подходов, отвергая при этом позитивистскую претензию на абсолютную доказательность, Ж. Деррида не дает указаний, как писать лучше (в случае социальных наук - как лучше проводить эмпирическое исследование). Он в большей степени заинтересован в разрушении представлений о том, что язык является просто техническим средством установления однозначных, стабильных значений. Этот вывод демистифицирует позитивизм, показывая его собственную зависимость от языка и, в случае науки, от метода исследования. Единственным путем к постижению значений является языковая практика, которая, однако, порождает новые противоречия и конфликты. По мнению Ж. Дерриды, мы обречены на бытие в языковой тюрьме [11]. Ограничения языка в описании реальности приводят к упрощению представлений о ней и ограниченности понимания ее сущности. Чем более развита система языковых понятий, тем более многогранно представление о мире, и наоборот. Он отмечает, что сложности обучают, а простота представляет собой мнимую ясность, скрывая присущую языку внутреннюю неразрешимость. Чем менее содержательна и структурирована языковая репрезентация мира, тем более неопределенно представлен он в сознании. Любое упрощение языковой коммуникации приводит, во-первых, к ограничению ее возможностей и, во-вторых, к резкому увеличению возможностей домысливания, достраивания и искажения смысла исходного сообщения.

Влияние работ Ж. Дерриды на развитие социальных наук многоаспектно. Он не только разрушает код чисто количественных эмпирических исследований социальных наук, но и указывает возможные способы письма и прочтения. Методология может быть определена как риторика, расшифровывающая некоторые выводы и ценности о социальном мире. Она выступает в качестве своеобразного средства прочтения мира и формирования отношения к нему, а также правил их организации. В качестве такого рода методологии выступает деконструкция, которая позволяет обнаружить ценности и интересы, скрытые за поверхностью науки, предоставляя возможность читателю «войти» в существо исследуемых проблем и определить их отношение к самому себе. Конечно же, деконструированный научный текст никогда не решит всех своих проблем неопределенности и неразрешенности. К научному познанию вообще невозможно применение категории «абсолютной истины».

Постструктурализм помогает автору и читателю признать свой вклад в научные тексты и причастность к их созданию. Вне зависимости от кажущейся сиюминутности любое незначительное действие по отношению к тексту сказывается на его общем значении. То, как мы оформляем сноски, озаглавливаем статьи, описываем проблемы, осуществляем литературные обзоры, используем методы количественной обработки данных для презентации полученных результатов, сказывается на формировании общего смысла текстов. Вместе с тем любой фрагмент текста, соотносясь с общим содержанием, должен обладать самостоятельностью. Согласно теории постструктурализма научный текст не является зеркальным отражением мира; это, скорее, настойчивое, образное, литературное вмешательство в него со своими собственными правами. Так как методология представляет собой свою собственную версию прочтения мира, она должна быть легко читаемой, чтобы обеспечить большой доступ к закодированным в научном тексте выводам. Это имеет прямое отношение и к социально-гуманитарному знанию. Поскольку любой социальный текст связан с определенной культурно-научной традицией, отражает авторскую научную позицию и своеобразие индивидуальной культуры, определяющих контекст текста, то без раскрытия этого контекста многие положения могут быть прочитаны или интерпретированы неправильно. Поэтому одной из центральных задач социальных наук является изучение связи текста и контекста и адекватного донесения последнего до читателя с учетом его возможной субъективной интерпретации. Если мысленные репрезентации мира автора и читателя научного текста рассогласовываются, то необходимы специальные средства и усилия по их согласованию с целью достижения адекватной и относительно аутентичной интерпретации.

Еще большую связь с перспективой развития социальных наук имеет постмодернизм в его видении М. Фуко, особенно в контексте реальностей культурного и дискурсного анализа [12]. Несмотря на то, что постмодернизм зарождается в рамках архитектурного движения, его философская составляющая оформляется в работах Ж.-Ф. Лиотара. В своем труде «Постмодернистское условие: отчет о знании», посвященном обсуждению центральных вопросов модерна и постмодерна, он отвергает тоталитарную перспективу развития истории и общества, называя ее грандиозным нарративом (*grand narrative*). Утверждая, что никто не обладает единственным правом создания всеобъемлющего повествования о мире (могут быть лишь небольшие гетерогенные повествования с «субъектных позиций» индивидов и многочисленных социальных групп), Ж.-Ф. Лиотар проповедует идею плюрализма и многомерности по отношению к рассмотрению социального знания [13]. По мнению М. Фуко, знание должно рассматриваться с позиций различных дискурсов/практик, структурирующих знания, формулируемые в них [12]. Как считают некоторые исследователи, здесь уместна аналогия с парадигмальным подходом Т. Куна, утверждавшего, что в научном сообществе существуют исторически сложившиеся согласованные мировоззренческие представления, определяющие отношение к исследуемым явлениям. Правда, М. Фуко больше ак-

центрирует внимание на использовании повседневного опыта и обычного языка для определения этих парадигматических знаний. В своих исследованиях природы криминальности и сексуальности он показывает, как эти состояния исторически конституируются посредством дискурсов, делающих их проблемными.

Как и постструктурализм, постмодернизм отрицает саму возможность объективных репрезентаций на том основании, что знание контекстуализировано своей исторической и культурной природой. Достижение универсального социального знания невозможно в силу отсутствия «объективных» критериев измерения и соотношения позиций различных субъектов друг относительно друга. Например, невозможно установить, кто более притеснен в современном обществе - женщины или различного рода меньшинства, так как практически невозможно нахождение эквивалентов их измерения. Каждое из них переживает притеснение по-своему. И использование однозначных критериев оценки больше/меньше, по меньшей мере, неуместно. Куда важнее знание того, как различные переживания мира структурируются дискурсами/практиками, конституирующими переживания бытия женщиной или меньшинствами в данный момент времени. Отвергая универсальную перспективу развития социальных наук, последователи постструктурализма и постмодернизма оперируют лишь отдельными состояниями знания, которые определяются совокупностью субъектных позиций людей. Здесь прослеживается связь с социальной феноменологией и этнометодологией, во многом опирающихся на идеи Ницше и Хайдеггера о невозможности открытия универсального знания.

Последующее развитие идей постмодернизма связано с именем еще одного крупного французского мыслителя - Ж. Бодрийера, разработавшего его современную социологическую версию. Он утверждает, что реальность (он называет ее гиперреальностью) все в большей степени приобретает имитационный характер, поскольку создается мощными средствами массовой коммуникации и другими культурными источниками. Люди теряют способность различать стимулы и реальность. Средства массовой коммуникации, придавая транслируемым системам знаков динамичный характер, способствуют размыванию поля тех или иных значений, что вызывает в индивидуальном сознании состояние неопределенности. Многие понятия на протяжении достаточно небольшого промежутка времени изменили свои значения, чуть ли не на противоположные.

Так, например, под влиянием средств массовой коммуникации акт вторжения американско-британской коалиции в Ирак начинает восприниматься массовой аудиторией почти как благородная миссия. Подобная динамика значений, создавая ситуацию неопределенности, может привести к внутри- или межличностному конфликту, требующему разрешения. Более того, многие знаки приобретают поливариантные значения и их адекватное прочтение становится невозможным без реконструкции культурального, субкультурального и ситуативного контекстов. Например, знак «авторитет» может иметь определенное значение в субкультуре научных работников и другое - в криминальной субкультуре.

Идеи постструктурализма и постмодернизма оказали влияние на развитие социальных наук. Это нашло свое выражение в понимании необходимости выработки критериев оценки адекватности и путей согласования полученных знаний.

В. Аггер формулирует ряд требований к социальным наукам:

- должны быть рефлексивны в отношении утверждений о непогрешимости их методов исследований и безграничности возможностей;
- должны рассматривать все дискурсивные (в том числе и научные) тексты как риторические, форма изложения в которых направлена на донесение соответствующих систем значений до читателей, обладающих способностью и возможностью собственной их интерпретации;
- проводить мысль, что язык конституирует реальность, предполагает изучение особенностей ее формирования, проявления и развития, определяющих специфику само- и мировосприятия субъекта;
- исключать возможность существования единственно верных, однозначных, универсальных описаний социальной реальности [16].

Особенность и влияние постмодернистского мышления заключается именно в признании культурного полифонизма, открывающего простор для подлинного диалога, в открытости исторического познания, в освобождении его от догматизма. Постмодернистская ситуация вносит новый опыт видения и владения своими и чужими культурными ценностями, стимулирует интеграцию различных культур, способствует выработке целостного воззрения на мир и формированию единой взаимопроникающей и взаимодополняющей культуры человечества.

Во многом эти идеи прослеживаются и в методологических работах В.С. Степина, посвященных научному познанию в целом, которое, по его мнению, «начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, детерминированная на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Осмысливается историческая изменчивость не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно развивается и обогащается содержание категорий «теория», «метод», «факт», «обоснование», «объяснение» и т.п.» [10, с. 632].

В.С. Степин выделяет три крупные стадии исторического развития науки, увязывая их с тремя типами рациональности: *классическая рациональность* (соответствующая классической науке в двух ее состояниях - дисциплинарном и дисциплинарно-организованном); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке); *постнеклассическая рациональность* [10, с. 633]. Отличительной особенностью последней является включение в предмет научного познания не только объекта, но и средств, и субъекта познания. Принципиальное отличие этой стадии развития науки заключается в признании того, что и научное знание в целом (включая естествознание) в существенной степени социально детерминировано. Так как субъект научного познания оказывает влияние на него, то оно неизбежно приобретает характер социально-конвенционального, а не объективного в подлинном значении этого понятия, т.е. независимого от исследователя. Следовательно, и в этом случае речь идет о культурной детерминированности и символической природе научного знания. Его конвенциональный характер ставит вопрос о выработке конвенций на основе диалога, предполагающего формирование разделяемого поля значений на основании принципа консенсуса членов научного сообщества, которое в свою очередь не является однородным, т.е. обладающим объективными критериями оценки истинности. С последним связано и обсуждение самой проблематики истинности знания в ее эпистемологическом значении. Процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии, описательного сравнения результатов разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием ограниченности познания и его бесконечности [17].

Эти идеи лежат и в основании разрабатываемого нами интегративно-эклетиического подхода к анализу социальной феноменологии, обосновывающего необходимость постижения природы социальной феноменологии через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, эклектику различных традиций, подходов, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии. Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно нового осмысления и понимания социальной феноменологии, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, диатропичности феномена. Становление в позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляет возможность острого (лишенного субъективной зашоренности) анализа, превращающегося в своеобразный «вечный движитель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции как неизбежно порождающей тенденцию к монополии истины со всеми вытекающими последствиями, а об именно свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием. На смену одномерной логике или/или, верно/неверно предлагается логика многомерная и/и, создающая основания для диалога и объединения ресурсов всех участвующих сторон на пути углубления представлений о природе и своеобразии социальной феноменологии. Эта новая логика предполагает исходную возможность существования альтернативных решений и ориентирована на диалог, направленный на достижение максимально обоснованных и исчерпывающе доказанных решений. Примером такого рода многомерности является апробированная в менеджменте процедура выработки управленческих решений, предполагающая на определенном этапе концентрацию усилий на его «разбивании» или опровержении с самых разных позиций. Если решение выдержало такого рода проверку, то оно считается более обоснованным и адекватным.

В свете изложенного поиск дополнительных ресурсов углубления социально-гуманитарного знания смещается с острого «объективного» описания в сторону понимания специфики внутренних переживаний и их динамики, т.е. развития. Понимание этого процесса становится невозможным вне контекста культурно-исторической детерминированности (Л.С. Выготский) и диалогического характера познания и понимания (М.М. Бахтин). В контексте рассуждений Э. Кассирера центральной категорией социально-гуманитарного знания должны стать символические значения, а не стимулы и реакции и непосредственно наблюдаемое поведение. Значения не транслируются в раз и навсегда заданном содержании, они формируются во взаимоотношениях, опосредованных культурой и субкультурой. Уровень общего взаимопонимания обеспечивается наличием согласованных общекультурных словарей, включающих описание наиболее существенных характеристик представляемого аспекта реальности, своеобразный общий ориентир. Но наличие общего представления не дает необходимой детализации и конкретизации, осуществляемых на субкультуральном и индивидуальном уровнях. Именно на последних и осуществляются реализация познаваемого объекта в понятный и конкретный образ или представление, социальные репрезентации на уровне здравого смысла и включенного в индивидуальную картину или образ мира, образующих мировоззрение и представление о самом себе. Такого рода трансформация и индивидуальная адаптация становится возможной только в процессе многочисленных прояснений и детализаций общего представления в межличностной коммуникации на уровне субкультуры. Без детализации и конкретизации невозможно включение понятия об объекте в активное взаимодействие с окружающим физическим и социальным миром, т.е. его осознание.

Таким образом, язык приобретает способность к значению во взаимоотношениях между людьми, в которых они устанавливаются, уточняются и развиваются. Любой, в том числе и научный дискурс, возникает в сообществе пользователей языка, и каждое такое сообщество, как и отдельный индивид, приносят в его содержание свое индивидуально-специфичное значение, понятное преимущественно членам этого сообщества, которые обладают общим опытом жизненных переживаний. Но даже в рамках наиболее близкого сообщества не существует тождественности систем значений, так как каждый индивид приносит в него свою собственную уникальность, без приближения к осознанию которой невозможно понимание и взаимопонимание. Согласованный характер значений определяет их новый порядок, порождающий новые формы активности. Так как значения формируются во взаимоотношениях, «приспосабливаясь» к условиям координации взаимодействия, они всегда открыты для изменений. Любое взаимодействие создает условия для уточнения и изменения существующих значений, что приводит к генерированию их нового порядка.

Применительно к социальным исследованиям это проявляется в том, что в них зачастую вскрывается только поверхностный пласт, представленный в текстовых репрезентациях ответов респондентов. Но эти репрезентации не могут быть рассмотрены как однозначные реакции универсального свойства. Парадоксально, что исследователь часто и интересуют только сами ответы, становящиеся в дальнейшем объектом математических манипуляций, определяемых «искусством» аналитика. Вопрос же экологической валидности полученных результатов не имеет принципиального значения и становится актуальным только в случае вопиющего расхождения полученных результатов с реальным поведением респондентов, причем в массовых формах. В нынешних динамичных обществах, особенно находящихся в переходном периоде, характеризующемся отмечавшейся Ж. Бодрийяром simultанностью значений без уточнения их содержания и динамики, теряется сама возможность получения адекватных представлений и тем более оснований для прогноза. Из этого следует, что получаемые ответы требуют существенной работы по уточнению сокрытых в них жизненных переживаний и связанных с ними систем значений, которые в конечном счете и определяют как интерпретацию субъектом происходящего, так и определение отношения к нему, лежащего в основании принятия решений о реагировании. В частности, именно этим обстоятельством обусловлено возрастание популярности метода фокус-групп, также не являющегося исчерпывающим по своим возможностям, так как подчинены все тому же универсальному контексту.

Таким образом, первичным условием углубления понимания социальной феноменологии является идентификация индивидуальных опытов жизненных переживаний, лежащих в их основании систем значений и их устойчивости, глубинности, предполагающих диалогическое уточнение в процессе формирования разделяемого поля значений, формируемого и развивающегося в межличностном взаимодействии исследователя и респондента. Дж. Шоттер, анализируя подход диалогичности лингвистической коммуникации М.М. Бахтина, отмечает в этой связи: «Поскольку человек никогда не может в полной мере оказаться на месте другого (не потеряв при этом своего собственного), двое собеседников никогда не могут вполне понять друг друга; они лишь частично оказываются удовлетворены взаимными репликами. Каждое высказывание вызывает отклик. Таким образом, творческое преодоление каждой «пропасти» вызывает нужду в дальнейшем отклике, и лингвистическая цепь остается ненарушенной. Предметом изучения как раз и является то, что обсуждаемое или выясняемое значит для нас как для индивидов, участвующих во множестве различных диалогов» [18, с. 107]. М.М. Бахтин подчеркивает, что «идея интериндивидуальна и интересубъективна. Идея - это *живое событие*, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний» [18]. Следовательно, и понимание также носит диалогический характер. Значение не схватывается, не отражается, а формируется и уточняется в диалоге участвующих в процессе взаимного познания и понимания людей, трансформируясь в смысл.

Понимающие социальные науки должны быть диалогическими по своей природе. Это требует изменения исследовательской методологии - от интраспективной (методология первого лица, основывающаяся на самоанализе) через эктраспективную (методология третьего лица, основывающаяся на отстраненном, опосредованном наблюдении) к диалогической (методология второго лица). Последняя предполагает активный, субъект-субъектный характер взаимодействия исследователя и исследуемого, направленного на взаимопрояснение адекватности сформировавшегося поля значений. Причем исследование превращается во взаимоисследование интерактивного свойства, в котором каждая из участвующих сторон может преследовать разные цели и решать разные задачи. И если они начинают носить согласованный характер, то резко увеличиваются возможности расширения и углубления представлений о сути и природе изучаемого феномена и, как следствие, его понимания. К. Gergen относит к диалогическим методологиям нарративную методологию, многоголосые и совместные исследования [15].

Нарративная методология ориентирована на самоописания исследуемых. Сегодня она достаточно многообразна. Самоописания (автобиографии, рассказы и т.п.) дополняются уточнениями и интерпретациями авторов, а также рефлексиями о точности их понимания исследователем. Одна из особенностей этой методологии состоит в том, что при исследовании измерения «коллективизм - индивидуализм» (измерение, введенное Хофстидом для сравнения кросс-культурных особенностей) статистические сравнения центральной тенденции заменяются подробными описаниями того, что различные взаимоотношения

означают для представителей разных культур, времен и народов. Эти исследования показывают наличие выраженных субкультуральных различий в, казалось бы, гомогенных культурах.

Многоголосое исследование основывается на идее читательского прочтения результатов исследования. Так как и исследователь, и исследуемые, находящиеся под влиянием собственных предубеждений, представляют собственную интерпретацию происходящего, то выход видится в том, что общее заключение предоставляется читателю предоставляемых ими текстовых описаний. Поэтому в итоговый отчет включаются описания явления и его интерпретации всеми участвующими сторонами.

Один из примеров использования этой методологии - работа П. Лейза и К. Смизис «Сопереживая с ангелами» [приводится по 19], в которой описаны личные переживания женщин, больных ВИЧ-инфекцией, и то, как эти переживания отражаются на их мировосприятии. Понимание того, что человек, не болеющий ВИЧ-инфекцией, просто не в состоянии понять специфики жизненных переживаний больного обуславливает максимальное использование их собственных самоописаний, сопровождаемых внешней оценкой. Отдельный раздел книги посвящен собственным переживаниям исследователей, имевшим место в процессе исследования. Кроме того, в книге содержатся результаты академического исследования, а также комментарии к прочитанному всех участвующих сторон.

Совместные исследования исходят из принципа открытости изучаемых паттернов многообразным культурным традициям и альтернативным интерпретациям. Разделяя общую идею многоголосого исследования о том, что максимальным доступом к переживаемой реальности обладает только сам ее переживающий, последователи этой методологии пытаются демонтировать исследовательскую иерархию, заменив традиционную автономию исследования новыми формами, ориентированными на сотрудничество. Исследователь вооружает исследуемых соответствующими инструментами и средствами анализа, консультирует их, получая описания с внутренней перспективы. Параллельно он проводит и собственное исследование. Наиболее известным примером такой методологии является исследование совместных действий, при котором исследователь реагирует на запросы исследуемых и помогает им применять различные инструменты для достижения поставленных целей.

Использование диалогических методологий, по крайней мере, позволяет приблизиться к пониманию уникально-специфичного (имического) аспекта социальной феноменологии. Полагание только на универсальное, общеприсущее (итическое) в исследованиях приводит к огрубленному универсальному описанию и объяснению, не дающим понимания природы проявления феноменов экстремального, девиантного поведения, и сопровождается слишком абстрактным их толкованием. Примером чему является упрощенное приписывание (атрибутирование) причин поведения террористов в Беслане фактом наркотизации и религиозного фанатизма. На самом деле подоплека значительно более глубока и скрывается именно в уникально-специфических особенностях субкультуры радикального исламского фундаментализма, отражающихся и на субъективной символической интерпретации его представителями происходящего. Невладение своеобразием этой интерпретации приводит к невозможности диалога и превалированию в решениях простых решений: есть человек - есть проблема, нет человека - нет проблемы.

Свойственное универсалистскому подходу оперирование общекультурным контекстом в интерпретации социальной феноменологии сталкивается с его несоответствием с субкультуральным, имическим и индивидуальным контекстом, роль которых в интерпретации происходящего его участниками непереоценима, так как именно они в существенной степени определяют субъективную интерпретацию и соответственно способ реагирования. Таким образом, возникает проблема нахождения оптимальных сочетаний названных контекстов в их отношении к анализируемому ситуативному контексту. Это тем более очевидно, что даже на уровне анализа текста необходимым условием его понимания является привязка к конкретному контексту, которая и обеспечивает ограничение спектра возможных интерпретаций из существующего континуума значений.

Включение в плоскость анализа социальной феноменологии ее культурно-контекстуальной детерминации ставит вопрос и о роли в этом процессе самого субъекта, и его активности. В этой связи нельзя оставить без внимания принцип взаимного детерминизма А. Бандуры, представленный им в одной из наиболее фундаментальных, по нашему мнению, работ XX века «Социальные основания мышления и действий» [20], в которой он формулирует основные принципы метатеории человеческого поведения. Анализируя известную формулу К. Левина $B = f(P, S)$, описывающую поведение как функцию от личности и ситуации, Бандура обосновывает их отношение взаимозависимости. Согласно этому принципу, любое изменение в ситуативном контексте приводит к изменению в личности и характере ее активности, и наоборот. Применительно к анализируемому контексту это означает, что познание и понимание социальной феноменологии предполагает акцентирование внимания наряду с социальным культурно-детерминированным контекстом и на личностных особенностях участников, и характере их активности, находящихся в состоянии взаимодетерминации. Прогнозируя развитие событий, социологи и социальные психологи должны учитывать возможное детерминирующее влияние перечисленных факторов, только определенное сочетание которых и будет определяющим в отношении прогнозируемого развития событий. Этот вывод говорит и о необходимости междисциплинарной интеграции, в частности, социологии и социальной психологии, так как в каждой из них накоплен богатый фактологический и теоретический

материал в отношении каждого из перечисленных факторов. Однако эта интеграция должна также носить диалогический, интегративно-эклетикий характер, способствующий объединению совместных ресурсов при сохранении дисциплинарной автономии, позволяющий преодолеть издержки монополизации знания и сохранить возможность внешней и внутренней рефлексии. В этой связи следует сослаться на вступительное слово президента Американской социологической ассоциации D. Massey на конгрессе 1999 года, в котором он отмечает: «Фактически не существует единой истории, единственной неизбежности. Существуют множественные истории и множественные темпоральности. И именно эта множественность, сама по себе зависящая от временной определенности, гарантирует открытость будущему. Это означает, в свою очередь, что будущее не может быть предсказано, а должно создаваться» [20].

Внедрение диалогического подхода в методологии исследования социальной феноменологии предполагает и прояснение ряда связанных проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становится очевидной ограниченность эксплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентировании на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятия заинтересованным и квалифицированным читателем) [22]. В области метода исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов. Примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация интегративной эклектики путем триангуляции [2]. В силу чрезвычайной многоаспектное™ этих областей их анализ будет осуществлен в последующих публикациях автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янчук В.А. Методолого-психологические основания развития психологической науки в культурно-научной традиции постмодерна // Белорусский психологический журнал. - 2004. - № 1. - С. 3 - 14.
2. Янчук В.А. Интегративно-эклетикий подход к анализу психологической феноменологии: Словарь-справочник. - Мн.: АПО, 2001.
3. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетикий подход. - Мн.: Бестпринт, 2000.
4. Янчук В.А. Новые подходы в психологическом исследовании / Выбранные навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: У 7 т. Т. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Сацыялогія. Філасофія / Адк. рэд. А.І. Жук. - Мн.: БДУ, 2001. - С. 217 -234.
5. Дильтей В. Описательная психология. - СПб.: Алетейя, 1996. - С. 15.
6. Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. - СПб.: Лань, 1998.
7. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. - М.: Наука, 1988. - С. 28 -29.
8. Pike K.L. Language in Relation to Unified Theory of the Structure of Human Behavior. - The Hague: Mouton, 1967.
9. Ильин И.И. Постмодернизм: Словарь терминов. - М.: Интрада, 2001.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. - М.: Прогресс-Традиция, 2000.
11. Деррида Ж. Письмо и различие. - СПб.: Академический проспект, 2000.
12. Foucault M. The order of things. - NY: Pantheon, 1970; Фуко М. Археология знания. - Киев: Ника-Центр, 1996.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. - М.: Алетейя, 1998.
14. Baudrillard J. For a Critique of the Political Economy of the Sign. - St. Louis: Telos, 1981; Baudrillard J. Simulations. - NY: Semiotext (e), 1983.
15. Gergen K.J., Gergen M.M. Toward a Cultural Constructionist psychology // Theory and Psychology. - 1997.-V. 7.-P.31-36.
16. Agger B. Critical Theory, Poststructuralism, Postmodernism: Their Sociological Relevance // Annual Review of Sociology. - 1991. - V. 7. - P. 105 - 131.
17. Касавин И.Т. О дескриптивном понимании истины // Философские науки. - № 8. - 1990. С.' 64 - 74.
18. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. - Киев: Наукова думка, 1994. - 294 с.
19. Bandura A. Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.
20. Massey D. Negotiating Disciplinary Boundaries // Current Sociology, October 1999, V. 47(4). - P. 5 - 12.
21. Franklin, C.W. Theoretical Perspectives in Social Psychology. - Boston: Little, Brown and Company, 1982.
22. Шоттер Д. М.М. Бахтин и Л.С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии. - 1996. - № 6. - С. 107.